

В.В. Ивантер

СТРАТЕГИЯ ПЕРЕХОДА К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ

Автор анализирует факторы, которые предопределили отрицательную динамику российского ВВП в 2015 г., и формулирует ряд идей, воплощение которых должно обеспечить выход России из экономического кризиса. Особое внимание уделено влиянию взаимных экономических санкций России и Запада, ошибочным решениям финансовых властей страны и предложениям о корректировке национальной макроэкономической политики.

По нашим предварительным оценкам, в 2015 г. снижение ВВП в России составит около 4%. Конечно, это интегральный показатель, в разных секторах ситуация складывается неодинаково. В этой связи интересно понять, какова структура спада. Анализ показывает, что наибольший вклад в этот показатель внесло уменьшение оборота розничной торговли, поскольку существенное место в нем занимала торговля импортными товарами, ввоз которых резко снизился. Одновременно значительно уменьшился импорт инвестиционных товаров – машин, оборудования и т.п. Это означает, что наибольший удар пришелся на импорт товаров производственного и непроизводственного назначения.

В то же время видны и определенные позитивные тенденции, например, в агропромышленном комплексе. Отечественному сельскому хозяйству помогли два фактора – девальвация национальной валюты и антисанкции. И мы видим, что целый ряд аграрных производств оказался готовым к значительному увеличению выпуска.

Однако в то же время девальвация нанесла серьезный удар по инвестициям, поскольку значительная часть оборудования в рамках новых инвестиционных проектов импортируется. При этом, как показывают исследования сотрудников ИНП РАН А.А. Широа и А.А. Янтовского [1], основной импорт оборудования в Россию сейчас идет не из Европы или Америки, а из Китая. Но ослабление рубля сказалось и на нем.

Еще одна проблема связана с оборонной промышленностью. Эта промышленность гораздо больше пострадала не из-за западных санкций, а из-за разрыва отношений с Украиной. Раньше практически 100% двигателей для выпускаемых в России вертолетов производил завод «Мотор Сич» в Запорожье [2]. И только недавно в России ввели в действие завод, который начал производить отечественные вертолетные двигатели, но пока только 50 шт. в год вместо 300 необходимых.

Кроме того, наблюдается спад в строительстве. В предыдущие годы рост в этом секторе был в определенной степени связан с тем, что оборотный капитал многих строительных организаций кредитовался с помощью «долевого участия» покупателей, а точнее – с помощью предварительной оплаты будущими владельцами непостроенного жилья. Иными словами, жилищное строительство получало дешевые оборотные средства из денег населения. Даже до кризисных явлений переход на банковское кредитование оборотного капитала означал бы для строительства сильное удорожание. Теперь же, учитывая, что ключевая ставка ЦБ имеет запредельную величину, наши строители просто физически не могут перейти на банковское кредитование.

Кроме того, рыночная цена жилья резко отличается от реальных затрат на его строительство. Строительные фирмы, работающие в Московской области, если они не имеют дополнительных обременений, теоретически могут продавать жилье по цене примерно 45 тыс. руб./кв. м с полной отделкой и оставаться при этом с прибылью. В то

же время в Москве жилье такого класса и практически с теми же самыми затратами на строительство сейчас продается по цене от 160 тыс. руб./кв. м без отделки, или почти в 4 раза дороже. В докризисный период, тем не менее, продажи шли даже по таким ценам. Частично квартиры действительно покупались для проживания, а частично – в инвестиционных целях. Сейчас, конечно, по таким ценам жилье массово продаваться не сможет. Поэтому жилищному строительству потребуется другая модель развития, но на ее формирование необходимо время.

Что касается общей оценки результатов воздействия санкций со стороны США и ЕС по отношению к России, то никакого значительного влияния на экономическую ситуацию они не оказывают. Конечно, в целом санкции – это нонсенс, нарушение правил игры. Но главные причины экономического спада в России – вовсе не санкции. Приведу аргументы. Во-первых, в рамках санкций многим ведущим российским банкам и компаниям был закрыт доступ к долгосрочному кредитованию на Западе. Однако в качестве расплаты по западным кредитам с начала 2015 г. нами было отдано порядка 140 млрд. долл. При этом валютные резервы страны не сократились, т.е. погашение кредитов было осуществлено за счет текущей выручки. И это с учетом того, что цены на нефть снизились в два с лишним раза. Иными словами, сложный период был пройден довольно спокойно. Никакие крупные банки и госкомпании не обанкротились. Во-вторых, резкое снижение темпов роста российской экономики началось в 2013 г., когда никаких санкций еще не было, а мировые цены на нефть превышали 120 долл./барр. Например, в 2013 г. ВВП вырос меньше чем на 2%, причем львиную долю этого прироста обеспечил финансовый сектор, где объем услуг увеличился сразу на 13%. Однако рост экономики за счет расширения финансового сектора можно считать ростом только с большой натяжкой. Санкции же со стороны России способствовали спаду, поскольку фактически они уменьшили вклад в ВВП розничной торговли.

Существуют мнения, что в рамках санкций нам отказались поставлять передовые технологии. Однако это нелепость, поскольку нежелание делиться с Россией технологическими достижениями существовало всегда. Например, несколько лет назад российскими корпорациями была предпринята попытка купить «Опель» – довольно среднюю по технологическим возможностям автомобильную компанию. Нам в этом отказали, причем даже не скрывали, что отказывают умышленно: никто не хотел усиливать своих конкурентов. По этому поводу мой коллега, профессор Н.И. Комков, резонно заметил, что рынок высоких технологий – это особый рынок, похожий на закрытый клуб. Чтобы войти на этот рынок, необходимо иметь собственные высокие технологии [3]. Действительно, на рынке вооружений, в атомной промышленности и в космосе Россию все рассматривают как полноправного участника рынка, никто не дискриминирует и санкций не объявляет, потому что бесполезно. Но в остальных отраслях возможность купить передовые технологии для нас практически исключена, так же как для Китая и других развивающихся стран.

В то же время введение санкций стимулирует процессы импортозамещения. Целый ряд секторов российской экономики уже начал в этом направлении работать и вполне оправданно рассчитывает на успех. Более того, предприятия из этих секторов не заинтересованы в отмене санкций и антисанкций, во всяком случае в ближайшее время, и в стимулировании роста курса отечественной валюты.

Таким образом, очевидно, что ни экономические санкции, ни девальвация рубля, ни падение цен на нефть не были главными причинами того, что в 2015 г. вместо экономического роста произошел экономический спад. На наш взгляд, переход к кризисному спаду объясняется почти исключительно тем, что финансовые и экономические власти страны проводят неадекватную политику.

Политика плавающего курса рубля и попытка снижения инфляции в стране за счет монетарных ограничений в определенных условиях могут приносить положительные результаты, но не в современной России с ее структурными проблемами и низким уровнем доверия в экономике. И теперь доказано практически. Непрофессиональный эксперимент наших финансовых властей, начатый в конце 2014 г., полностью подтвердил, что разработанная ими монетарная политика для российской экономики категорически не годится.

Наши денежные власти, продекларировав в качестве основной цели снижение инфляции, фактически ее подстегнули. Курс рубля не стал плавающим, – рубль просто утонул. По сути, ведя жесткую монетарную политику, наши финансовые власти ставят очень интересный с точки зрения исследователя эксперимент – может ли денежная экономика развиваться без денег? В общем, они делали все, чтобы российская экономика упала не на 3-4, а на 15%. Еще более глубокого спада в России не произошло только потому, что у нас в стране периодически применяется так называемое ручное управление.

В целом позиция наших финансовых властей заключается в том, чтобы денег никому не давать. Но это «вообще», а в рамках «ручного управления» со стороны президента страны – дают, причем на всех уровнях. На федеральном, на региональном, на местном уровнях реальная экономика сопротивляется неадекватной экономической политике. Это сопротивление позволяет не проваливаться слишком глубоко. Именно ручное управление помогло прекратить валютную панику в декабре 2014 г. В тот момент руководство Центрального банка не справилось с созданной им же самой ситуацией. Оно полностью потеряло контроль над событиями. Описывая то, что происходило с рублем в те дни, нельзя применять интеллигентное слово «девальвация». Рубль просто рухнул.

После этого руководство страны вынуждено было непосредственно вмешаться, чтобы изменить ситуацию. В частности, известно, что высшие чиновники лично договаривались с компаниями-экспортерами о срочной продаже последними долларов и евро на внутреннем валютном рынке. Также произошли не совсем косметические изменения в руководстве Центрального банка.

Однако возврат к адекватной финансовой и монетарной политике – это необходимое, но недостаточное условие. Есть и другие проблемы. В принципе, все, даже вменяемая часть высших финансовых чиновников, понимают, что реальный сектор должен получить деньги на развитие. Вопросом, какие проекты, финансируемые за счет государственных денег, будут реально эффективны, должно заниматься Министерство экономического развития. Оно должно знать такие проекты. Для этого совершенно необходима система проектного финансирования, когда деньги выдаются предприятию в кредит не вообще, а под конкретный проект, и их расходование контролируется по счетам за поставленные инвестиционные товары и строительные услуги. Но у этого министерства есть собственная теоретическая позиция, которую они пытаются осуществлять на практике: «Все инвестиции госсектора неэффективны. А эффективны только частные инвестиции». Эту позицию в принципе можно достаточно успешно оспаривать. В конце концов, если бы инвестиции частного сектора всегда были эффективны, то не было бы банкротств. А банкротство частной компании – это совершенно обыкновенная вещь в рыночной экономике.

Но даже если принять такую позицию, то все равно остается много вопросов к федеральным экономическим ведомствам. Если вы не готовы инвестировать средства бюджета, потому что не знаете, во что их вкладывать и не верите в эффективность бюджетных инвестиций, отдайте эти деньги бизнесу, который будет инвестировать, как вы считаете, эффективно. Это же логично. Для этого следует либо

снизить налоги для бизнеса, либо организовать проектное финансирование с участием государства. Но не делается – ни первого, ни второго.

В сегодняшних условиях недостаточно даже сказать, что в стране проводится неадекватная экономическая политика. По сути ее просто не существует. И сейчас в ожидании находятся не только аналитики, но и бизнес, которому необходимо понимать, каких именно целей государство хочет достичь и какие меры экономической политики оно собирается осуществлять.

На Санкт-Петербургском экономическом форуме Президент РФ сформулировал следующие ориентиры:

1. Темпы экономического роста в стране должны обеспечивать примерно 3,5-процентный прирост ВВП в год. Иначе говоря, темпы роста не должны уступать средним для мировой экономики (правда, не было объяснено, как добиться таких темпов).

2. Темпы инфляции должны быть не выше 4% в год.

Однако по-прежнему неясно, как можно сочетать борьбу за повышение темпов роста с борьбой за снижение темпов инфляции. Ведь что получается из такой постановки вопроса: если инфляция будет не 4, а 3% в год, то темпы прироста ВВП будут не 3,5%, а еще выше. Это на самом деле так, и кто-то даже может убедительно доказать наличие этой взаимосвязи? До сих пор таких доказательств не приходилось видеть. И вообще, ни с теоретической, ни с практической точки зрения непонятно, как можно иметь близкую к нулю инфляцию в процессе серьезной реструктуризации экономики?

3. Необходимо иметь резервы для того, чтобы обеспечить политическую и социальную стабильность.

Это бесспорно – резервы должны быть. Однако вопрос в том, как ими распорядиться. Верно отметила проф. О. Дмитриева: «Хорошо иметь резервы под подушкой. Но почему их обязательно нужно хранить под чужой подушкой?» [4].

При этом министр экономики России вместо того, чтобы ориентировать бизнес, работающий в России на увеличение инвестиций и активное расширение производства, заявил, что в ближайшие 50 лет Россия не станет экономической супердержавой [5].

В результате таких заявлений уровень определенности в экономике только уменьшается. Ведь чтобы расти дальше, национальному бизнесу нужно: а) более-менее четко понимать, что будет делать власть в экономике, куда следует инвестировать и какие направления развивать; б) быть уверенным, что государство предоставит определенные стимулы и предъявит спрос на продукцию отечественных производителей. Все остальное второстепенно.

При этом президент высказался в том духе, что в России необходимо сохранять суперлиберальную экономическую политику, и что несмотря ни на какие проблемы, никаких ограничений на вывоз капитала вводить не следует, и нужно правильно вести себя. Как в 2008-2009 гг. Однако я полагаю, что те инструменты регулирования, которые есть в руках государства, вполне позволяют ограничивать, по крайней мере, криминальный вывоз капитала, не нарушая никаких принципов экономического либерализма. Но мы почему-то ими не пользуемся.

Подводя итог, можно сказать, что развала экономики в России нет, безработица на очень низком уровне. Социальная стабильность в стране сохраняется – это бесспорный факт. Высокая поддержка президента реальна. Но вместе с тем в экономике страны отмечается очень много тревожных сигналов. Экономическое развитие страны фактически остановилось, и если сохранять невнятную макрополитику с ручным управлением, то можно рассчитывать на темпы прироста ВВП максимум 1-2% в год. Это приведет к прогрессирующему отставанию от новых развивающихся стран и от США, которые будут расти чуть более высокими темпами. Но

главное состоит в том, что при темпах прироста ВВП ниже 2% в год в России будет иметь место стагнация уровня жизни населения, которая неминуемо окажет негативное влияние на социальную и политическую ситуацию в стране.

Исторический опыт показывает, что если жизненный уровень населения не растет в течение длительного времени, то это приводит население в неустойчивое состояние. В позднем СССР уровень жизни населения не снижался, но и не рос, что в конце 1980-х годов вылилось в трагические политические события [6]. И я полагаю, что такое развитие событий вполне может повториться, если экономический застой в стране затянется.

Конечно, если вдруг произойдет существенный рост цен на энергоносители, а Европа и США отменят санкции, мы на какое-то время сможем вернуться к прежней модели развития. Однако, как ни парадоксально, возврат к прежней жизни, по большому счету, сработает против экономического развития России, так как мы достигли потолка возможностей этой модели.

В этих условиях экономическая политика, безусловно, должна меняться. Ее основной задачей должно стать повышение темпов экономического роста в России до 5-7% в год. По крайней мере, на ближайшие несколько лет, а затем могут быть приемлемы и темпы прироста ВВП по 3-5% в год. Для этого мы должны выполнить две главные задачи: во-первых, простимулировать потребительский спрос, во-вторых, простимулировать инвестиции в реальный сектор. Все возможности для масштабного стимулирования этих видов экономической активности в России есть.

Однако сегодняшняя бюджетная политика не только не расширяет внутренний спрос, а наоборот, фактически подавляет его. Вместо направления финансовых средств в те секторы экономики, где этот спрос формируется, финансовые власти в проекте государственного бюджета на 2016 г. предлагают сокращение платежеспособности населения за счет отказа от полноценного индексирования трудовых доходов и пенсий, а также за счет повышения пенсионного возраста. И как ни парадоксально, целью предлагаемого сжатия платежеспособного спроса населения объявляется вложение «сэкономленных» денег в экономику.

Не предусматривается и роста государственных инвестиций, которые представляют собой еще один ключевой фактор увеличения ВВП. В денежно-финансовой политике отсутствуют технологии, гарантирующие масштабное долгосрочное кредитование реального сектора. Такое кредитование воспрепятствовало бы возможным остановкам производства из-за высокого уровня кредитных ставок.

Расширение производства должно основываться на обеспечении деньгами по доступным ставкам. При нынешних процентах за кредит, гарантирующих безбедную жизнь финансовых структур, реальный сектор вынужден либо перекладывать свои расходы на потребителя, либо прекратить производство.

Неотложные меры современной экономической политики, нацеленной на структурные реформы, должны предусматривать переход к внутренне ориентированным долгосрочным инвестициям в обрабатывающий сектор производства.

Литература

1. Широков А.А., Янговский А.А., Потапенко В.В. Оценка потенциального влияния санкций на экономическое развитие России и ЕС // Проблемы прогнозирования. 2015. № 4. С. 3-16.
2. Ивантер В.В., Узиков М.Н., Кувалин Д.Б., Геец В.М., Широков А.А. и др. Украина и Таможенный союз: комплексная оценка макроэкономического эффекта различных форм глубокого экономического сотрудничества Украины со странами Таможенного союза и Единого экономического пространства. Евразийский банк развития. С-Пб., 2012.
3. Комков Н.И. Инновационная модернизация и технологическое развитие: отказ или корректировка стратегии? // Модернизация, инновации, развитие (МИР). 2013. № 3(15). С. 3-11.
4. Могут ли США наложить санкции на средства российских резервных фондов? // Аргументы и факты. № 30, 2014.
5. Улюкаев А.В. РФ нужно 50 лет, чтобы стать супердержавой в экономике // Аргументы и факты. № 24, 2015.
6. Сапир Ж., Ивантер В., Некипелов А., Кувалин Д. Российская трансформация: 20 лет спустя. М.: Магистр, 2013.